

В. Ж. ЦВЕТКОВ

Московский педагогический государственный университет

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ

Белое движение в России в период гражданской войны, выступая как главная противоборствующая сила конфликта, стремилось к победе над советской властью, как над противником, примирение с которым признавалось недопустимым. С этой целью, помимо достижения сугубо военного превосходства, признавалось важным создание эффективной государственной системы управления, претендующей на всероссийский масштаб. В политико-правовой системе считалось важным обеспечение правопреемственности в статусе и деятельности создаваемых структур управления (ряд которых, как например Правительствующий Сенат, претендовали на прямую правопреемственность от дооктябрьского (1917 года) периода). Правопреемственность признавалась важной и в законодательной базе, опиравшейся на акты государственного управления, основанные на Своде законов Российской Империи, хотя и корректируемые применительно к изменившимся после февраля 1917 года условиям (законы Временного правительства). Судебная «вертикаль» власти, в частности, опиралась на традиции судебных уставов 1864 года.

Преемственность выражалась и в стремлении использовать персональный состав во вновь создаваемых структурах управления. Известно, что целый ряд государственных и общественных деятелей «старого режима» в той или иной форме (пусть и на других должностях, и в ином статусе) продолжа-

ли работать в правительственных органах Белого движения (С.Д. Сазонов, В.Н. Коковцев, А.В. Кривошеин, П.Л. Барк, М.В. Бернацкий, А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков, Г.Е. Львов, Е.К. Климович и др.).

Сохранялась (и это особенно отмечалось в официальных заявлениях) правопреемственность в системе международного представительства. Сохранялся прежний аппарат посольств и консульств, хотя и с ограниченной «полнотой признания». Белые правительства исходили из признания всех заключенных до октября 1917 года международных соглашений, финансовых обязательств, причем как Российской Империи, так и Временного правительства. Неизменным провозглашался статус Русской Православной Церкви, утвержденный Поместным Собором 1917–1918 годов. И мало изменялись нормы гражданского, уголовного, административного, семейного права.

Однако, принципиально важные вопросы о форме правления и о форме государственного устройства будущей России не «предрешались». При этом акты отречения от Престола Николая II и непринятия Престола Михаилом Романовым рассматривались как фактически устанавливавшие порядок «непредрешения». Тем не менее, «стоять на месте» в плане идеологии признавалось невозможным и уже в 1918 году в проектах будущего политического строя проявилась тенденция к введению в России конституционной монархии (о возрождении «самодержавия» не говорилось). Тот факт, что принцип правопреемственности, исходящий из актов Николая II и Михаила Романова искажался актом Керенского о введении в России «республиканского строя» с 1 сентября 1917 года, не означал для политиков и идеологов Белого движения невозможности восстановления традиционных основ российской государственности. Об этом говорилось многими (Н.И. Астров, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, И.А. Ильин, Н.Н. Львов и др.).

Показательно отношение идеологов Белого дела к Учредительному Собранию созыва 1917 года. Признавалось невозможным считать «Всероссийской Конституантой» структуру, выборы в которую состоялись после «октябрьского переворота», и с очевидными нарушениями избирательного права (единый список партии эсеров, запрет кадетской партии, «произвол» в отношении комиссии «Всевыборы» и др.). Нельзя было не учитывать и факт игнорирования Собрания большевиками и левыми эсерами, составлявшими более трети депутатов в его составе.

Таким образом, признавалось необходимым обеспечить созыв нового Национального Учредительного Собрания. Именно оно должно было бы утвердить новые Основные законы будущего Российского государства. Исходя из этого, лидеры Белого движения могли считаться лишь «временными правителями», главная цель которых – обеспечение созыва новой Конституанты и обеспечение «гражданского мира» посредством «подавления большевизма». С другой стороны, это отнюдь не исключало активной разработки законопроектов по различным сторонам экономической, общественно-политической жизни России.

Для массового сознания, ориентированного на «завоеванные свободы» 1917 года, лозунги «непредрешения» оставались, очевидно, достаточно абстрактными и не вызывали сочувствия. Поэтому, в значительной степени, для поддержки населения и достижения провозглашенных целей требовалось наличие эффективно действующей системы организации фронта и тыла. Эволюция политических режимов Белого движения демонстрировала преобладание принципов единоначалия в общей структуре власти. Данный принцип не вызывал непримиримых возражений со стороны белых политиков и общественных деятелей, но вызывал сомнения в степени его эффективности. В частности, критика направлялась на конкретных носителей власти, их неумение привлечь доверие населения, «недемократичность» их действий и т. п.

Что касается представителей «белой власти», то они, особенно военные, заявляли о недопустимости излишнего вмешательства «общественности» в систему управления (ссылаясь на «печальный опыт 1917 года»). Можно отметить несколько сформировавшихся за годы гражданской войны «вариантов» управления, каждому из которых были присущи свои достоинства и недостатки.

Пожалуй, наиболее эффективным, как считали представители самой белой власти, представлялся вариант, условно называемый «диктатурой сверху». В этом случае единоличный правитель-диктатор устанавливал основы законодательства, определял общее направление политического курса, подбирал кадровый состав для реализации намеченных целей. Примерами подобной формы правления служат «диктатуры» Верховного Правителя России адмирала Колчака, Правителя Российской Восточной окраины атамана Семенова, Временного Приамурского правительства Меркулова, Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина, Правителя Юга России генерала Врангеля. При данной политической модели исполнительно-распорядительная власть

имела главенствующее значение, но в то же время стремилась к созданию — во временной перспективе — тех или иных представительных структур. Делалось это, в значительной степени, не из-за собственного желания того или иного лидера Белого дела, а под воздействием внешних обстоятельств — положения на фронтах, роста недовольства населения в тылу, а также требований «демократизации режима», предъявляемых со стороны иностранных государств и, прежде всего, «демократической общественности».

Но при этом представительство «общественности» имело преимущественно рекомендательный характер. Власть стремилась к «диалогу с населением», что было важно для стабильности тыла. Примерами подобных представительных структур следовало считать Государственное Экономическое Собрание в Сибири в 1918–1919 годах, Финансово-Экономическое Собрание, созванное Врангелем в Крыму в сентябре 1920 года, первоначальный вариант Краевого Народного Собрания в Чите в 1920 года.

Альтернативным вариантом при организации власти можно было бы считать вариант т. н. «диктатуры снизу». В этом случае установление единоличного управления происходило, как бы, «на волне» общественных ожиданий и при поддержке каких-либо представительных структур. Характерным примером подобного рода может служить Уфимская Директория (хотя и не «единоличная», а «коллегиальная» форма управления, но наделенная обширными полномочиями), получившая власть с санкции Уфимского Государственного Собрания; Южно-русское правительство, утвержденное Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека; власть Правителя Приамурского Края генерала Дитерихса, получившего власть от Приамурского Земского Собора; власть казачьих атаманов, избравшихся на представительных собраниях (Рады, Круги) казачьих войск. Здесь представительная власть выступала уже в учредительно-санкционирующей форме. При организации данной власти использовался тезис об ее «избрании населением» и о получении, вследствие этого, необходимой «легитимности».

Наконец, третьим вариантом организации власти можно было бы считать сочетание форм двух вышеназванных типов «диктатур», при котором верховная власть принадлежала единоличному правителю (как правило, военному), но его полномочия ограничивались представительными органами или достаточно сильным правительством. Примеры подобного рода: Правительство Северо-Западной области и «диктатор» генерал Юденич; Земско-

городское Совецание и «диктатор» генерал Миллер на белом Севере в начале 1920 г.; Российское правительство, созываемое Государственное Земское Совецание и Верховный Правитель Колчак в Сибири в конце 1919 года; Краевое Народное Собрание и Главнокомандующий Войсками Российской Восточной окраины атаман Семенов в Забайкалье летом–осенью 1920 года. Однако подобные варианты возникали в условиях ухудшения положения на фронтах, роста повстанчества в тылу, носили временный характер и, как правило, не отличались достаточной стабильностью.

В этой связи, достаточно интересным можно было бы считать анализ представительных структур, форм их взаимодействия с «общественностью» при вышперечисленных вариантах организации власти. Для первого — типичным признаком можно считать опору на общественно-политические организации, политических деятелей правых или правоцентристских убеждений. Данные организации могли и не иметь партийного характера. Это были, скорее, некие «протопартии», объединяющие в своих рядах как представителей «старых» партий, так и беспартийных политиков. Примерами подобного рода служат Всероссийский Национальный Центр, Совет Государственного Объединения России.

Избирательная система, применявшаяся для создания органов местного самоуправления, также претерпевала определенную эволюцию. Разнообразные цензы и курии считались вполне приемлемыми. В условиях гражданской войны выборы, как правило, не были всеобщими, а чаще заменялись делегированием представителей от отдельных, уже избранных структур (как это предполагалось, например, при проведении земской реформы в Крыму в 1920 году).

Для второго варианта типичным признавалась более высокая степень «демократизации». Предпочтение здесь отдавалось использованию в избирательных системах принципов всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Это позволяло повысить степень легитимности власти (как это было, например, в белом Приморье при проведении выборов в Приамурское Народное Собрание летом 1921 года). Хотя важно отметить, что подобные примеры эволюции политических режимов Белого движения проявлялись, главным образом, в завершающий период их существования, в 1920–1922 годах.

Тенденция эволюции политических режимов Белого движения представляется, в конечном итоге, следующей: от Директории, с обширными полномочиями («коллегиальной диктатуры») в 1917–1918 годах, через при-

знание необходимости единоличной диктатуры, опирающейся на заявленную представительную поддержку (1919–1920 годы), к монархическому строю, «соборно избранному» и «соборно утвержденному». Это была бы монархия похожая на один из вариантов «президентской власти», при котором государственный лидер опирался бы на «соборное представительство», «Земский Собор» (1922 год). Решение внутренних проблем, восстановление авторитетного общероссийского центра обеспечивало также и международное признание России как важнейшего фактора мировой политики, неотъемлемого элемента послевоенной системы межгосударственных отношений.